

Н.А.Шавеко

АГОНИСТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОБОСНОВАНИЯ

Николай Александрович Шавеко — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН. Для связи с автором: Nickolai_91@inbox.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу основных положений теории состязательной демократии и лежащего в ее основе принципа агонистического плюрализма, получивших в последние годы довольно широкое распространение в среде западных политических философов. Выявляются два основных подхода к нормативному обоснованию ценности демократического соперничества. Первый из них строится на постулате о важности поддержания многообразия общественных дискурсов и, соответственно, недопустимости придания одному из них статуса доминирующего или предпочтительного. Второй предполагает упор на значимость постоянного оспаривания сложившихся властных отношений. Продемонстрировав серьезные изъяны этих подходов, один из которых, по сути, продвигает разнообразие ради разнообразия, а другой — изменчивость ради изменчивости, автор обращается к стратегии обоснования состязательной демократии, ставящей во главу угла обеспечение всем заинтересованным лицам равных возможностей по изменению существующих властных отношений. По его оценке, у этой стратегии, во многом преодолевающей указанные изъяны, тоже имеются слабые места, связанные (1) со сложностью отграничения неравных возможностей по трансформации механизмов власти от иных социальных неравенств, (2) недостижимостью полного равенства возможностей и (3) неясностью соотношения между ценностью обладания возможностью определять и отменять социальные ограничения (политическое равенство) и другими ценностями (в частности, так называемым сущностным равенством). Особое внимание в статье уделяется выявлению глубинных ценностных основ агонистического плюрализма. Зафиксировав стремление апологетов агонизма уйти от их прояснения, автор констатирует, что в качестве высшего морального основания политики агонистический плюрализм вызывает большие сомнения, а в той части, в какой его можно принять, не представ-

ляет собой ничего принципиально нового. Согласно его заключению, все это говорит о сугубо инструментальном характере данного принципа, а тем самым — о его относительной значимости по сравнению с теми идеалами, достижению которых он призван служить.

Ключевые слова: демократия, агонистический плюрализм, состязательная демократия, совещательная демократия, агрегативная демократия

Введение

Начиная с 1990-х годов в среде политических философов набирает популярность так называемая состязательная (конкурентная) модель демократии. Сторонники этой модели противопоставляют ее как традиционным агрегативным моделям (то есть демократическому элитизму и демократии участия, призванной обеспечить механизмы, при которых разнородные интересы и установки преобразуются в общее для всех решение), так и совещательной модели (нацеленной на изменение первоначальных интересов и установок в ходе обсуждения и достижение консенсуса). В противовес приверженцам агрегативного подхода, сторонники конкурентной модели видят в политической борьбе не столько средство получения «правильного» результата, сколько самостоятельную ценность; в противовес адептам совещательного подхода, они полагают, что цель политической борьбы состоит в достижении не консенсуса, а стратегических целей ее участников¹. Значительное влияние на их позицию оказали философия постструктурализма (Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар и др.) и взгляды Людвиг Витгенштейна.

¹ Hayward 2010: 124—127.

Каковы основные черты состязательной демократии? Бельгийская исследовательница Шанталь Муфф, внесшая существенный вклад в разработку данной модели, называет ее агонистическим (от др.-греч. ἀγώνια — «борьба») плюрализмом, противопоставляя агонизм антагонизму: первый имеет место между соперниками, второй — между врагами. Соперники, в отличие от врагов, «разделяют общее символическое пространство», хотя и желают его пересмотреть². Настаивая на возможности пересмотра этого общего символического пространства, то есть основ социального устройства, в том числе существующих интерпретаций прав человека и демократических институтов, Муфф подчеркивает: «Мы можем соглашаться с важностью „свободы и равенства для всех“, в то же время резко расходясь во мнениях относительно их значения и способа реализации»³. Плюрализм же как максимальное включение многообразных социальных сил в политику открывает путь для такого пересмотра, одновременно предотвращая сползание агонизма в антагонизм. Таким образом, ключевым для модели состязательной демократии является свободное соперничество интересов и мнений (агонистический плюрализм).

² Mouffe 2000: 13.

³ Ibid.: 113—114.

**Основные
способы
нормативного
обоснования
состязательной
демократии**

По каким же причинам конкуренцию следует считать самоценной, а консенсус — незначимым? Сторонники состязательной демократии предлагают разные, но пересекающиеся ответы на этот вопрос. Рассмотрим некоторые из них.

Один из популярных способов оправдания демократического соперничества — акцентирование равной ценности всех языковых игр (дискурсов, разворачивающихся по определенным правилам). Так, британский политический теоретик Джон Кин в монографии «Демократия и гражданское общество» предлагает радикальное понимание демократии в контексте того, что было названо им этическим релятивизмом⁴. Согласно Кину, общество, в сущности, представляет собой совокупность языковых игр, каждая из которых следует своим правилам, причем, вопреки коммуникативному подходу Юргена Хабермаса, отдающему предпочтение одному из возможных типов языковых игр, никакая языковая игра не является более «верной», чем остальные. В связи с этим необходимо поддерживать в обществе многообразие языковых игр, не допуская «империалистических притязаний» какой-либо из них на абсолютное значение, что обеспечивается правильным соотношением государства и гражданского общества. Именно в этом, с точки зрения Кина, и состоит демократия. Сходных взглядов придерживается канадский философ Джеймс Талли, отмечая, что никакая форма критической рефлексии не должна играть основополагающую роль, что притязания на значимость не обязательно строятся на истинности и искренности и не всегда опираются на убедительные аргументы и достижение консенсуса. Подобно Кину, Талли критикует Хабермаса, упрекая его в том, что он возводит «юридические способы мышления» в ранг гегемонистских, тогда как каждая из языковых игр имеет право на существование⁵. Наконец, через творчество Муфф красной нитью проходит мысль о том, что нацеленность на познание моральной истины и минимизацию разногласий по моральным вопросам, присущая концепции делиберативной демократии, способна привести не к повышению, а, напротив, к понижению справедливости и легитимности власти, будучи чревата исключением из политической жизни несогласных. По мнению Муфф, стремление во что бы то ни стало прийти к консенсусу относительно моральных истин является одной из форм гегемонии. Поскольку полное согласие по вопросам морали заведомо нереально, всегда будут сохраняться инакомыслящие, дискриминация которых повлечет за собой радикализацию общественных настроений. Поэтому должны получить шанс и другие виды дискурсов, не связанные с достижением консенсуса⁶.

Изложенная аргументация, однако, содержит в себе внутреннее противоречие. Из суждения о факте (многообразие языковых игр) Кин и его единомышленники выводят, по сути, произвольное суждение о должном (необходимо поддерживать данное многообразие). Ведь если согласиться с тезисом об относительности всех языковых игр и отсутствии какой-либо привилегированной языковой игры, становится не-

⁴ Кин 2001: 360—379.

⁵ Tully 2008: 39—70.

⁶ Муфф 2008.

понятно, как вообще возможен критический подход к сущему: нельзя критиковать чужое притязание на истинность с позиций, которые сами не претендуют на истинность. Обычно сторонники состязательной модели демократии указывают на ограниченность наших знаний, в том числе в вопросах морали, и потому призывают участвующих в политической деятельности к скромности, толерантности и отзывчивости. Между тем из одного вовсе не обязательно следует другое, и стратегия скромности, толерантности и отзывчивости не более обоснованна, чем другие. Таким образом, идея плюрализма и поддержания разногласий противоречит самой себе: отрицая истину, она сама не может считаться истинной.

В этом плане этика дискурса Хабермаса, признающая истину и утверждающая определенный тип коммуникации как способ ее достижения, выглядит более логичной (хотя и не лишена изъянов). Ибо, чтобы оспорить чью-либо гегемонию, нужно продемонстрировать недостатки этой гегемонии и преимущества возможных альтернатив, а это предполагает апелляцию к нормативным обоснованиям, в том числе применительно к методам такого оспаривания (почему они не могут быть насильственными? каковы критерии насилия? какие типы аргументов допустимы? и т.д.), но никак не скепсис относительно возможности нормативного обоснования. Кроме того, приведенные выше суждения упрощают и искажают представления сторонников делиберативной демократии, которые отнюдь не отрицают, что консенсус достижим далеко не всегда и потому должен сочетаться с другими способами принятия решений. По справедливому замечанию Олега Каширских, «достижение консенсуса не является ультимативным требованием делиберативной демократии ни эмпирически, ни нормативно»⁷. При этом, как убедительно показывают Айрис Янг⁸ и Джон Драйзек⁹, в ходе делиберации могут задействоваться не только строго рациональные аргументы, но и повествование, юмор, риторика и т.п. Единственным критерием допустимости аргументации *de facto* выступает возможность понимания между участниками обсуждения, что вряд ли может трактоваться как гегемония.

В действительности Кин и солидарные с ним авторы признают существование всеобщей моральной истины, которая состоит в необходимости поддерживать плюрализм языковых игр. Сама эта истина как бы возвышается над языковыми играми: с позиций абсолютной идеи плюрализма могут оцениваться все остальные идеи. Но если идея плюрализма, будучи фактически выражением этического когнитивизма, не может быть оправдана с точки зрения этического релятивизма, то какие иные ее оправдания возможны? Не является ли ценность плюрализма сугубо инструментальной? По крайней мере именно в этом ключе могут быть интерпретированы суждения Кина о том, что плюрализм языковых игр предполагает наличие политических механизмов, способствующих смягчению социальных антагонизмов, недопущению тиранического правления, преодолению властью собственного невежества и т.п.

⁷ Каширских 2012: 31.

⁸ Young 1996: 129—131.

⁹ Dryzek 2000: 167—168.

Другой популярный способ обоснования демократического соперничества — акцент на значимости постоянного оспаривания сложившихся властных отношений. В этом плане довольно показательны работы американского ученого Шелдона Уолина, и прежде всего его статья «Мимолетная демократия»¹⁰, где проводится мысль о том, что истинная демократия означает отсутствие каких-либо границ, в том числе конституционных, для волеизъявления и содержит в себе революционный момент, то есть стремление пересмотреть социальные стратификации и институты, а не просто поменять правящую партию или персональный состав бюрократических органов. Но такая кардинальная трансформация возможна только тогда, когда управляет сам народ, i.e. когда существующие механизмы власти оставляют за ним последнее слово. Отсюда призывы Уолина не привязывать политическую жизнь исключительно к государству, а развивать иные политические институты и практики. Отсюда же и левая направленность его позиции, упор на важность образования и здравоохранения, социальных гарантий, активного вовлечения в политическую жизнь широких слоев населения, выравнивания политических возможностей различных социальных групп, развития сознательности и солидарности граждан. Не отрицает Уолин и ценность делиберативных практик, хотя не останавливается на них подробно и не связывает их с консенсусом. В целом Уолин стремится обеспечить прямое влияние народа на управленческие решения и пересмотр всего, что сковывает такое влияние.

¹⁰ Wolin 2016.

Аналогичные идеи можно встретить и у многих других авторов. Тот же Талли говорит о том, что, поскольку никакая форма мышления не может а priori считаться рациональной, мы вправе оспаривать границы, налагаемые доминирующими формами мышления. Он солидарен с Фуко в том, что работа интеллектуала состоит в постоянном оспаривании того, что постулируется как самоочевидное, а также в демонстрации возможных альтернатив. Подобные соображения экстраполируются и на сферу власти, что означает необходимость ставить под сомнение существующие властные отношения («мыслить и действовать по-другому»): агонистическая свобода — это постоянная провокация (угроза неподчинения, оспаривания, уклонения и конфронтации)¹¹.

¹¹ Tully 2008: 24, 125, 143—144.

Нацеленность на постоянный пересмотр властных отношений свойственна и Муфф. По ее мнению, «любая социальная объективность конституируется посредством актов власти», а потому «в конечном счете является политической и должна обнаруживать следы актов исключения, которые управляют ее конституцией»¹². Поэтому важно создать такие формы власти, которые допускают возможность пересмотра ее основ: господство неизбежно, но оно должно быть ограниченным и поддаваться оспариванию. Вместе с тем Муфф практически не разграничивает хорошие и плохие виды господства, довольствуясь оговоркой, что допустимы лишь такие формы власти, которые позволяют противоборствующим сторонам рассматривать друг друга как соперников, а не врагов¹³. Иными словами, всегда должна сохраняться возможность

¹² Mouffe 1996: 247.

¹³ Муфф 2004: 194.

легального пересмотра «конституции власти», обеспечивающая определенный уровень легитимности последней (это область так называемого конфликтного консенсуса). Установление каких-либо непреложных принципов справедливости для Муффа в принципе неприемлемо. В связи с этим на первое место выходит ценность периодической смены таковых, то есть мы вновь видим тенденцию к возвеличиванию перемен *per se*.

При всей важности борьбы с социальным неравенством и «исключениями» описанный выше подход к пониманию демократии уязвим перед критикой. Так, есть основания сомневаться в том, что готовность к оспариванию любого социального установления может быть убедительным нормативным идеалом. Длительная традиция либерального конституционализма, например, ограничивает непосредственное участие народа в политике ради целей, которые разделяет сам народ. И подобная установка заслуживает внимания (даже с учетом того, что либеральный конституционализм не свободен от изъянов): поскольку публичная власть, как предполагается, учреждена ради достижения общего блага, ее институты не должны ставиться под вопрос без видимых поводов и намеренно поддерживаться в состоянии хрупкости. Конституционализм может рассматриваться как гарантия торжества долгосрочной, рефлексивной и единой народной воли и защиты ее от сиюминутного влияния частных интересов большинства. Сомнительны также попытки обосновать важность перманентной агонистической деятельности с точки зрения формирования общей гражданской идентичности¹⁴. Если истинная (то есть, согласно Уолину и его единомышленникам, подрывающая институты) демократия временна и мимолетна, то может ли она быть идеалом для повседневности? Таковой, очевидно, должен признавать по меньшей мере частичную ценность хотя бы некоторых социальных практик, требующих известной стабильности.

Здесь — в качестве альтернативы — имеет смысл обратиться к взглядам американского политолога Иэна Шапино, который в своем обосновании демократии исходит из отрицания неоправданного доминирования¹⁵. Надо отметить, что, указывая на многочисленные сложности, возникающие при определении понятия «доминирование», он и сам в итоге не дает внятной его дефиниции¹⁶. Важно, однако, что в отличие от сторонников состязательной демократии Шапино выступает против не любого доминирования, а лишь того, которое не может считаться обоснованным. *Prima facie* всякая социальная иерархия подозрительна, то есть именно социальная иерархия, а не ее отсутствие требует оправдания. По мнению Шапино, иерархия оправдана тогда, когда она необходима для защиты какого-либо значимого блага тех, кто ей подчинен (i.e. когда ей нет неиерархической альтернативы), и вместе с тем по своей степени и длительности не превышает той меры, которая определяется данной целью. При этом иерархии, сохраняющие вертикальную социальную мобильность, предпочтительнее блокирующих ее; симметричные (взаимные) иерархии предпочтительнее ассиметричных

¹⁴ См., напр. Tully 2008: 160—184.

¹⁵ Shapiro 2016: 2—24.

¹⁶ Черняк 2019: 345—346.

(односторонних); выборные иерархии предпочтительнее невыборных; допускающие выход иерархии предпочтительнее тех, что его не допускают; не навязывающие себя иерархии предпочтительнее стремящихся к экспансии¹⁷. Короче говоря, не всякие властные отношения порочны. В конечном счете любые претензии к ним должны удовлетворять неким заранее установленным моральным (нормативным) критериям, а потому не могут быть самоценными.

¹⁷ *Shapiro 1999: 42–45.*

**Возможные пути
преодоления
внутренних
изъянов
агонистического
плюрализма**

Таким образом, можно констатировать, что обе рассмотренные стратегии обоснования состязательной демократии не свободы от изъянов. Весьма последовательной с учетом вышесказанного представляется позиция американской исследовательницы Клариссы Хейворд, которая (в отличие от Кина) прямо постулирует основную нормативную ценность — обеспечить каждому заинтересованному лицу равные возможности по установлению и пересмотру властных отношений, но при этом (в отличие от Уолина) не считает необходимым постоянное оспаривание действующей власти. Иными словами, отношения власти должны быть всегда открыты для преобразования (не допустима натурализация или сакрализация status quo), но само такое преобразование не является самоцелью. Именно в этом Хейворд видит идеал демократии как самоуправления.

Формулируя свою концепцию власти, Хейворд противопоставляет ее не только взглядам плюралистов, согласно которым власть принадлежит лицам, влияющим на принятие политических решений путем участия в нем, но и знаменитой теории «двух ликов власти» Питера Бахраха и Моргана Бараца, в соответствии с которой власть может заключаться в способности исключать неудобные вопросы из политической повестки без прямого участия в принятии политических решений¹⁸. Недостаточным кажется ей и подход, обращающий внимание на «третий лик власти»¹⁹, а именно на возможность ее носителей формировать интересы и предпочтения подчиненных, восприятие ими своих желаний. В качестве альтернативы она предлагает «обезличенное» (de-faced) понимание власти, ибо только оно позволяет уйти от вопроса о том, обладает ли властью лицо, не осознающее своего влияния или не желавшее некоторых из последствий этого влияния, и о том, несет ли данное лицо соответствующую моральную ответственность. С точки зрения Хейворд, власть — это границы (законы, нормы, стандарты, практики и другие механизмы), определяющие возможности социальных субъектов. В связи с этим крайне важно, известны ли подвластным способы, которыми ограничиваются их социальные возможности, и могут ли они изменить существующие социальные ограничения²⁰.

¹⁸ *Bachrach and Baratz 1962.*

¹⁹ *Lukes 1974; Gaventa 1980.*

²⁰ *Hayward 2000: 11–39.*

Хейворд разделяет свойственную сторонникам делиберативной демократии ориентацию на инклюзивность, распространяя ее на все случаи формирования и изменения социальных ограничений, однако вместо акцента на обдумывании и консенсусе подчеркивает важность

конфликтов и различий. Само по себе наличие у индивидов определенных интересов и мнений еще не влечет за собой необходимости учета этих интересов и мнений, но не потому, что они должны выдерживать испытание делиберацией, а потому, что они могут оказаться продуктом структурных политических неравенств. В этом смысле даже прошедшие осмысление в ходе обсуждения интересы и мнения не могут считаться безусловными основаниями политического устройства. Консенсус не является идеалом не столько потому, что означает доминирование одной из возможных языковых игр (Кин), и не столько в силу своей недостижимости (Уолин), сколько ввиду возможной его обусловленности структурными политическими неравенствами, определяющими желания и предпочтения людей.

Как представляется, Хейворд очень удачно сочетает две традиции: кантианскую (Хабермас) и постмодернистскую (Фуко). Именно это позволяет ей, с одной стороны, избежать самопротиворечивого восхваления разнообразия ради разнообразия (Кин и др.), перемен ради перемен (Уолин и др.), с другой стороны, подчеркнуть важность сохранения при принятии, изменении или отмене социальных норм возможности пересмотра данного решения.

Вместе с тем у предложенной Хейворд концепции демократии тоже имеются проблемные места.

Во-первых, это сложность отграничения неравных возможностей по трансформации механизмов власти от иных социальных неравенств (в рамках рассматриваемой модели недопустимы лишь первые). На практике любые социальные стратификации могут косвенно отражаться на политических возможностях. Данная проблема, правда, легко может быть снята указанием на то, что любое социальное неравенство следует изучать на предмет его влияния на политические возможности (например, чрезмерная зависимость «бюджетников» от своих работодателей чревата использованием «административного ресурса» на выборах, а потому должна искореняться).

Во-вторых, это отсутствие четкой дефиниции равенства возможностей (судя по всему, Хейворд принимает во внимание лишь структурно обусловленные различия, оставляя за скобками физические и иные личностные особенности). В действительности полного равенства возможностей быть не может по причине индивидуальных различий, и исключение последних при оценке равенства возможностей нуждается в обосновании. Конечно, индивидуальные различия менее значимы, чем структурные, и меньше поддаются учету. Однако и полного равенства структурных возможностей добиться, как представляется, едва ли реально.

Наконец, в-третьих, это отсутствие ясного соотношения между ценностью обладания возможностью определять и отменять социальные ограничения и другими ценностями, например эффективностью, безопасностью и солидарностью (Хейворд лишь упоминает о приоритете первой из этих ценностей в сфере политических практик и госу-

дарственных институтов). Возьмем, к примеру, соотношение ценности политического равенства, достигаемого посредством сохранения за каждым возможности изменения существующих властных отношений, и ценности политической стабильности, достигаемой через формирование общей идентичности. Наделение правителей полномочиями по культивированию в гражданах лояльности и законопослушания, по военно-патриотическому воспитанию и т.п. явно способствует решению второй задачи, но создает структурные препятствия для решения первой, поскольку трансформирует интересы и установки граждан. В целом Хейворд фокусируется лишь на одной из политических ценностей и мало говорит о других (в частности, о «совещательном фильтре» интересов, о добросовестности и квалифицированности правителей, о плюрализме социальных сил и т.д.).

На первый взгляд может показаться, что данную проблему можно преодолеть путем дальнейшей разработки частных вопросов теории состязательной демократии. Однако нет никаких гарантий, что соотношение конкурирующих моральных ценностей окажется в пользу политического равенства. Рассмотрим, например, соотношение политического и сущностного равенства. Не обладает ли последнее приоритетом над первым? В связи с этим заслуживают внимания презумпции Шапиро, представляющие собой отклонения от принципа политического равенства: 1) лица, чьи интересы в большей степени затрагиваются тем или иным решением, имеют больше прав на его принятие; 2) лица, чьи ключевые интересы (скажем, выживание) затрагиваются тем или иным решением, должны оказывать большее влияние на его принятие, чем другие заинтересованные лица²¹. При этом сама по себе интенсивность предпочтений не может выступать определяющим фактором²².

Здесь необходимо отметить, что адепты теории состязательной демократии особо подчеркивают роль социальных структур в формировании самих субъектов социальных отношений. «Практика управления, — утверждает Талли, — является также практикой субъективации»²³. В свою очередь Муфф замечает, что полностью свободное народное волеизъявление невозможно в принципе, так как сам народ есть политический конструкт, который зависит от уже существующих социальных структур²⁴. Но если процессы субъективации находятся вне нашего контроля, то почему сформированный в результате таких процессов «субъект» (личность, гражданин, народ и т.п.) должен иметь ключевое значение? Должны ли мы обеспечивать равенство именно этих субъектов — с учетом того, что они могли бы быть и иными? Положительный ответ на данный вопрос, на наш взгляд, означает, что в своих призывах к политическому равенству сторонники состязательной демократии исходят из того более глубокого понимания равенства, которое Роберт Даль называл сущностным (*intrinsic*)²⁵. Ведь речь идет не просто о равных правах субъектов менять социальные структуры, но и о том, что независимо от социальных структур это равенство прав признается

²¹ *Shapiro 2003: 43—48.*

²² *Shapiro 2016: 56—61.*

²³ *Tully 2008: 23.*

²⁴ *Mouffe 2000: 55—56.*

²⁵ *Даль 2003: 125—132.*

²⁶ Так, у Муфф агонистический плюрализм на глобальном уровне

за вполне определенными субъектами. Если на внутригосударственном уровне это социализированные индивиды, то на уровне глобальном — как правило, народы²⁶.

Проблема ценностных основ состязательной демократии

заключается не в построении такой «космополитической гегемонии», которую всегда можно пересмотреть, а в «плюрализации гегемоний», что, бесспорно, предполагает превращение народов в ключевые субъекты (Муфф 2009: 63).

²⁷ Mouffe 2000: 19—20.

²⁸ Mouffe 2008: 454—458.

²⁹ Connolly 2005: 41.

С учетом изложенного остро встает вопрос о том, какие же базовые ценности лежат в основе модели состязательной демократии и как может способствовать их реализации агонистический плюрализм. В первую очередь необходимо отметить, что сторонников данной модели вряд ли можно назвать релятивистами. В частности, Муфф указывает, что релятивизм, подобно догматизму, имеет серьезные недостатки, поскольку закладывает основания для оправдания насилия, подчинения и неравенства²⁷. Она не отрицает права человека, но выступает за возможность пересмотра их интерпретаций. И хотя применительно к международному уровню Муфф квалифицирует права человека как исключительно западный концепт, она все же пытается найти в западных культурах функциональные замены прав человека, отсылающие к идеям человеческого достоинства и справедливости, по-видимому полагая эти идеи незыблемыми²⁸. В свою очередь Уильям Коннолли, защищая идеал «глубокого плюрализма», обращает внимание (также в контексте противодействия насилию) на нетождественность его релятивизму, под которым понимает «абсолютную терпимость» или «отказ от всех стандартов»²⁹. Вместе с тем бросается в глаза, что приверженцы состязательной демократии крайне неохотно высказывают какие-либо ценностные соображения, как бы опасаясь впасть в критикуемый ими же догматизм. В результате их позиция зачастую оказывается крайне противоречивой.

Рассмотрим данный тезис на примере Муфф. Не формулируя свой политический идеал сколько-нибудь определенно, исследовательница постоянно выражает его методом «от противного», осуждая господство и гегемонию, насилие и подчинение. Но если мы попытаемся выразить этот идеал в положительных, а не отрицательных терминах, то придем к давно известным принципам свободы и равенства. Означает ли это, что агонистический плюрализм является лишь инструментом достижения свободы и равенства? Этот вывод кажется логичным, хотя в работах Муфф его можно прочесть разве что между строк. И в то же время она склонна трактовать свободу, равенство, права человека и т.п. лишь как общие устои, которые в любой момент могут быть пересмотрены в результате агонистического процесса.

Ситуация осложняется тем, что Муфф отчаянно противится восприятию самого принципа агонистического плюрализма в качестве нормативного идеала.

Очевидно, что последовательное претворение подобных взглядов предполагает, что и сами эти взгляды (а соответственно, институты, обеспечивающие смену форм господства) могут быть пересмотрены и отвергнуты. Судя по всему, Муфф это и имеет в виду. По ее мнению,

³⁰ Mouffe 2000: 16, 135—137.

полная реализация идеи агонистического плюрализма означала бы отрицание данной идеи³⁰, ведь в противном случае мы вновь приходим к гегемонии одной из точек зрения. Между тем такая установка содержит в себе явное логическое противоречие. Как можно отстаивать идеал, заключающийся в постоянном сохранении возможности его пересмотра? Как можно видеть идеал в преодолении господства, полагая, что достижение этого идеала тоже есть форма господства? В результате вместо осмысленного идеала мы получаем нелепость: Муфф отрицает то, что пытается доказать. То же противоречие, похоже, свойственно и Коннолли, который, с одной стороны, противопоставляет агонистический плюрализм воинствующему унитаризму и тотальному релятивизму, а с другой, обосновывает свою позицию ссылками на необходимость взаимной скромности в условиях моральных разногласий, что в итоге заставляет его относиться «скромно» и к собственному обоснованию агонистического плюрализма³¹. Понимая, что здесь налицо нарушение логики, Коннолли, подобно Муфф, ссылается на продуктивность логических парадоксов³². Но логические парадоксы ни в коей мере не оправдывают алогичную аргументацию. То, что в данном случае упускают из виду приверженцы агонистического плюрализма, заключается в логической необходимости «унитаризма»: агонистический плюрализм не может быть одновременно обоснован и не обоснован, при этом он может быть обоснован либо в качестве высшего морального принципа в политике, либо в качестве средства достижения или поиска такового, но он не может быть и не тем, и не другим одновременно. Да, моральные принципы, методология их обоснования, а также используемые для их воплощения инструменты подтверждены пересмотру, однако сам этот пересмотр всегда осуществляется в рамках некоего «унитаризма», обусловленного имеющимся уровнем знаний. Так, в науке действительно присутствует плюрализм мнений и методов, но из этого не следует, что эти мнения и методы мы ценим не больше, чем псевдонауку, даже если та не навязывается насильно. Вообще, речь идет не о насилии, а об истине; истина же порой требует «воинствующей» защиты.

Другая причина, по которой Муфф не хочет возводить принцип агонистического плюрализма в ранг нормативного идеала, — необходимость учета непреодолимых разногласий по моральным вопросам. Поскольку консенсус относительно моральных оснований политики едва ли достижим, а тотальный релятивизм выглядит непривлекательной перспективой, Муфф выступает за создание некоторых ограничений, но при этом не считает возможным подводить под них моральные обоснования, заявляя о «политической природе» последних³³. Фактически же это означает, что, коль скоро универсальные правила нельзя обосновать, их следует навязать. Однако такое предложение невозможно рассматривать всерьез, если сам его автор признает отсутствие соответствующих моральных аргументов. В действительности же Муфф, конечно, приводит некоторые моральные (а следовательно, универсальные) аргу-

³¹ Connolly 2005: 76.

³² Connolly 2002: XV—XVI.

³³ Муфф 2004: 189.

менты, тем самым выбивая почву из-под своей позиции. Слабое место в этой позиции заключается также в неоправданном возвышении роли консенсуса как морально значимого фактора. Порой Муфф вообще определяет либерализм как «веру в достижимость всеобщего консенсуса, основанного на разуме»³⁴. Но вера в некие незыблемые права и свободы вовсе не тождественна вере во всеобщий консенсус, ведь тот не является единственно возможным их обоснованием (в универсальные правила можно верить, даже понимая, что относительно них никогда не достичь всеобщего консенсуса). В результате Муфф ошибочно полагает, что в отсутствие надежды на всеобщий консенсус «политическое» всегда стоит вне морали и представляет собой борьбу за гегемонию. Будучи права в том, что «политические вопросы — это не просто технические вопросы, которые должны решать эксперты»³⁵, она заблуждается, считая, что политическое не морально только потому, что всегда связано с конфликтом. В конце концов, чем же тогда ее агонистический плюрализм лучше агрегативных моделей демократии или даже тиранического правления, ведь во всех случаях речь идет о том, что одни интересы произвольно удовлетворяются за счет других, а сам баланс интересов динамичен? Как вообще можно обосновать преимущество агонистического плюрализма как более справедливого принципа при отсутствии каких-либо моральных критериев? Такое преимущество можно обосновать, только встав на сторону морального когнитивизма, не маскируя моральную аргументацию эвфемизмами типа «политических аргументов», но одновременно не сводя моральную истину к всеобщему консенсусу.

³⁴ Муфф 2008: 91.

³⁵ Там же: 89.
См. также Mouffe 2007.

Итак, попытки отрицать статус агонистического плюрализма как нормативного идеала через самоотрицание данного принципа или придание ему политического (якобы неморального) характера терпят неудачу. В конечном счете более последовательным и логически непротиворечивым было бы признать его высшим моральным основанием политики, не подлежащим пересмотру посредством самих агонистических процедур. Но в этом случае отличие позиции Муфф от позиции сторонников либеральной демократии, которым она себя противопоставляет, по сути, сходит на нет, ведь вместо старых универсальных правил лишь предлагается новое. Муфф видит ошибку либералов в том, что они считают не подлежащей пересмотру «конституцию власти» (права человека и т.п.), хотя та, по ее мнению, вполне может быть пересмотрена. Но как насчет самого принципа агонистического плюрализма? Содержит ли он отрицаемую Муфф «глубинную объективность, которая была бы внеположна практикам, приведшим его в бытие»³⁶? Если этот принцип не может быть пересмотрен, то никакой принципиально новой позиции мы не имеем. Если же мы вправе поставить агонистический плюрализм под сомнение, то позиция Муфф самопротиворечива и более логичным было бы просто отвергнуть возможность какой-либо нормативной политической теории. Ту же критику можно адресовать и построениям Коннолли.

³⁶ Муфф 2013.

³⁷ Муфф 2003:
154—155.

Один из центральных тезисов Муфф заключается в том, что либеральная демократия не является вневременным идеалом справедливого общественного устройства³⁷. Бесспорность этого тезиса очевидна, но важно установить, почему это так. По мнению Муфф, согласие в вопросе общественного идеала предопределяется общими формами жизни. Однако из этого еще не следует отстаиваемая Муфф моральная необходимость периодического пересмотра таких форм, равно как и восприятие их в исключительно негативном ключе — как нежелательного господства.

Общие формы жизни неизбежно меняются по самым разным причинам, но их изменение есть факт, а не цель. Мы можем лишь оценивать те или иные изменения как желательные или нежелательные, способствуя первым и пытаясь воспрепятствовать вторым. Таким образом, мы имеем два факта: 1) общественный идеал предопределяется общими формами жизни; 2) общие формы жизни постоянно меняются. Но ни один из этих фактов ничего не говорит нам о должном. Ибо должное, по всей видимости, вообще нельзя вывести из сущего. Либеральная демократия, в свою очередь, может не соответствовать этому должному, но не потому, что предполагает доминирование одной из языковых игр, и не потому, что любые устои необходимо периодически пересматривать, а потому, что она может не отвечать взвешенным моральным интуициям или, будучи идеалом сугубо политическим, не сочетаться с более общим социальным идеалом. Важнейший вопрос состоит в том, на каком основании и каким способом возможно то или иное намеренное изменение общих форм жизни, посредством которых конституируется власть, а также идентичность и идеалы подвластных. Здесь Муфф постулирует, что ни один социальный субъект «не может приписать себе представительство тотальности», но постоянно ссылается на «страсти и аффекты»³⁸. Иными словами, в глазах Муфф подобное изменение допустимо и по произвольным основаниям, важен лишь сам агонистический плюрализм как постоянная возможность такого произвола! На место стремления к моральной истине приходит борьба частных интересов.

³⁸ Муфф 2004:
193, 195.

Этот вывод выглядит обескураживающим. Неужели противоборство коллективных страстей и аффектов способствует легитимности и справедливости больше, чем, например, условия для поиска рационального консенсуса или сам рационально обоснованный идеал? Вероятно, иногда это так, но категорическое «да» в данном случае было бы явно беспочвенным. Фактически Муфф предлагает прибегать к «стратегическому действию» там, где «коммуникативное действие» не приводит к согласию. Но то же самое предлагает и большинство сторонников совещательной демократии! Таким образом, агонистический плюрализм как высшее моральное основание политики вызывает большие сомнения, а в той части, в какой его можно принять, не представляет собой ничего принципиально нового.

**Вместо
заключения**³⁹ Przeworski 1999.⁴⁰ Shapiro 2016.

Все сказанное выше заставляет нас снова задуматься о том, не обладает ли агонистический плюрализм лишь инструментальной ценностью и не стоит ли над ним некий фундаментальный моральный идеал вроде свободы и равенства. Нормативный анализ взглядов сторонников состязательной демократии однозначно свидетельствует о наличии у них некоторых общих ценностей, прежде всего связанных с неприятием насилия, господства, гегемонии, доминирования. Эти ценности разделяют, конечно, не только апологеты агонизма. Так, Адам Пшеворский сводит демократию к возможности ненасильственной смены власти³⁹, а Шапиро пытается концептуализировать ее через понятие недоминирования⁴⁰. Вместе с тем указанные авторы подчеркивают сугубо инструментальную ценность возможности регулярной ненасильственной смены власти, полагая, что такая возможность исключит проведение явно неприемлемой для народа политики и поможет достичь моральной истины. В противоположность им агонисты (в том числе по причине их склонности к релятивизму) избегают выносить суждения о приемлемости или неприемлемости той или иной политики: для них возможность ненасильственной смены власти (социальных структур, общих форм жизни и т.п.) ценна сама по себе. Между тем такая позиция порождает множество вопросов: не получится ли так, что оспаривание существующих социальных структур обернется изменениями в худшую сторону? не означает ли принижение значимости консенсуса и акцент на торге, давлении, спорах и т.д., что результатом политического процесса может быть все что угодно? не является ли неизбежной при обосновании ценности соперничества отсылка к неким сущностным критериям? почему мы вообще должны поддерживать политическое устройство, коль скоро присущее ему господство имеет исключительно негативные черты, а если у него есть и позитивные аспекты, то в чем они заключаются? не стоит ли более снисходительно относиться к тем формам господства, которые допускают меньше дискриминации или менее суровые ее проявления, то есть различать моральные и аморальные гегемонии? почему смена форм господства должна обязательно происходить через агонизм, а не антагонизм? Все эти вопросы, демонстрирующие белые пятна в модели состязательной демократии и ее слабые места, одновременно указывают на сугубо инструментальный характер соперничества и многообразия, а тем самым — на их относительную значимость по сравнению с теми идеалами, которым они призваны служить.

Библиография

- Даль Р.А. (2003) *Демократия и ее критики*. М.: РОССПЭН.
 Каширских О.Н. (2012) «Политические предпочтения в контексте теории делиберативной демократии» // *Вестник Пермского университета. Политология*, № 1: 20—34. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/political/vestnik-1-2012.pdf> (проверено 03.11.2022).

Кин Дж. (2001) *Демократия и гражданское общество*. М.: Прогресс-Традиция.

Муфф Ш. (2003) «Витгенштейн, политическая теория и демократия» // *Логос*. № 4–5 (39): 153–165.

Муфф Ш. (2004) «К агонистической модели демократии» // *Логос*, № 2 (42): 180–197.

Муфф Ш. (2008) «Политика и политическое» // *Политико-философский ежегодник*. М.: ИФ РАН. Вып. 1: 88–102. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppu_1/6.pdf (проверено 03.11.2022).

Муфф Ш. (2009) «Демократия в многополярном мире» // *Прогнозис*, № 2: 59–71. URL: http://intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (проверено 03.11.2022).

Муфф Ш. (2013) «Радикальная демократия и агонистическая политика» // *Гегфер*, 20.11. URL: <http://gefter.ru/archive/10569> (проверено 03.11.2022).

Черняк А. (2019) «Демократия против господства» // *Социологическое обозрение*, т. 18, № 4: 344–353. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/12/30/1511030404/SocOboz_18_4_344-353_Chernyak.pdf (проверено 03.11.2022).

Bachrach P. and M.Baratz. (1962) «Two Faces of Power» // *American Political Science Review*, vol. 56, no. 4: 947–952. URL: <http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/bachrach.pdf> (accessed on 03.11.2022).

Connolly W. (2002) *Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Connolly W. (2005) *Pluralism*. Durham: Duke University Press.

Dryzek J. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford, New York: Oxford University Press.

Gaventa J. (1980) *Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press.

Hayward C.R. (2000) *De-Facing Power*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hayward C.R. (2010) «Making Interest: on Representation and Democratic Legitimacy» // Shapiro I., S.C.Stokes, E.J.Wood, and A.S.Kirshner, eds. *Political Representation*. Cambridge: Cambridge University Press: 111–136.

Lukes S. (1974) *Power: A Radical View*. London: Macmillan.

Mouffe Ch. (1996) «Democracy, Power, and the „Political“» // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton: Princeton University Press: 245–256.

Mouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso.

Mouffe Ch. (2007) «Artistic Activism and Agonistic Spaces» // *Art & Research*, vol. 1, no. 2. URL: <http://www.artandresearch.org.uk/v1n2/mouffe.html> (accessed on 03.11.2022).

Mouffe Ch. (2008) «Which World Order: Cosmopolitan or Multipolar?» // *Ethical Perspectives*, vol. 15, no. 4: 453—467.

Przeworski A. (1999) «Minimalist Conception of Democracy: A Defense» // Shapiro I. and C.Hacker-Cordon, eds. *Democracy's Value*. Cambridge, New York: Cambridge University Press: 23—55.

Shapiro I. (1999) *Democratic Justice*. New Haven: Yale University Press.

Shapiro I. (2003) *The State of Democratic Theory*. Princeton: Princeton University Press.

Shapiro I. (2016) *Politics against Domination*. Cambridge: Harvard University Press.

Tully J. (2008) *Public Philosophy in a New Key. Vol. I: Democracy and Civic Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin Sh. (2016) *Fugitive Democracy and Other Essays*. Princeton: Princeton University Press.

Young I.M. (1996) «Communication and the Other: Beyond Deliberative Democracy» // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton, New York: Princeton University Press: 120—135.

N.A.Shaveko
AGONISTIC PLURALISM
AND COMPETITIVE MODEL
OF DEMOCRACY: PROBLEMS
OF NORMATIVE JUSTIFICATION

Nikolai A. Shaveko — Ph.D. in Legal Studies; Senior Researcher at the Udmurt Campus of the Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Email: Nickolai_91@inbox.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main tenets of the theory of competitive democracy and its underlying principle of agonistic pluralism, which have become quite widespread among the Western political philosophers in the recent years. The author identifies two main approaches to the normative substantiation of the value of democratic competition. The first approach is based on the postulate about the importance of maintaining the diversity of public discourses and, therefore, inadmissibility of giving

one of them the status of dominant or preferred. The second approach emphasizes the importance of constantly challenging the established power relations. Having demonstrated serious flaws in these approaches, one of which, in fact, promotes diversity for the sake of diversity, and the other — variability for the sake of variability, the author turns to the strategy of justifying competitive democracy that focuses on providing all stakeholders with an equal opportunity to change the existing power relations. In his estimation, this strategy, which largely overcomes the shortcomings of the above mentioned approaches, also has its weaknesses related to (1) the difficulty of disentangling between unequal opportunities for transforming power mechanisms and other social inequalities, (2) the unattainability of the complete equality of opportunities, and (3) the ambiguous relationship between the value of the opportunity to define and abolish social restrictions (political equality) and other values (in particular, the so-called intrinsic equality). A special attention in the article is paid to the identification of the deep value foundations of agonistic pluralism. The author notices that advocates of agonism want to evade clarification of these foundations and states that agonistic pluralism as the highest moral basis of politics is highly doubtful, while the part of the concept that is acceptable does not represent anything fundamentally new. According to his conclusion, all this speaks of the purely instrumental nature of this principle, and thus of its relative importance in comparison with those ideals that it intends to achieve.

Keywords: democracy, agonistic pluralism, competitive democracy, deliberative democracy, aggregative democracy

References

- Bachrach P. and M. Baratz. (1962) “Two Faces of Power” // *American Political Science Review*, vol. 56, no. 4: 947—952. URL: <http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/bachrach.pdf> (accessed on 03.11.2022).
- Chernyak A. (2019) “Demokratija protiv gosподstva” [Democracy against Domination] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 18, no. 4: 344—353. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2019/12/30/1511030404/SocOboz_18_4_344-353_Chernyak.pdf (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)
- Connolly W. (2002) *Identity/Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Connolly W. (2005) *Pluralism*. Durham: Duke University Press.
- Dahl R.A. (2003) *Demokratija i ee kritiki* [Democracy and Its Critics]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Dryzek J. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Gaventa J. (1980) *Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press.

Hayward C.R. (2000) *De-Facing Power*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hayward C.R. (2010) “Making Interest: on Representation and Democratic Legitimacy” // Shapiro I., S.C.Stokes, E.J.Wood, and A.S.Kirshner, eds. *Political Representation*. Cambridge: Cambridge University Press: 111—136.

Kashirskikh O.N. (2012) “Politicheskie preferentsii v kontekste teorii deliberativnoj demokratii” [Political Preferences in the Context of Deliberative Democracy Theory] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 1: 20—34. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/nauchnyj-zhurnal/political/vestnik-1-2012.pdf> (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Keane J. (2001) *Demokratija i grazhdanskoe obshchestvo* [Democracy and Civil Society]. Moscow: Progress-Traditsija. (In Russ.)

Lukes S. (1974) *Power: A Radical View*. London: Macmillan.

Mouffe Ch. (1996) “Democracy, Power, and the „Political“” // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton: Princeton University Press: 245—256.

Mouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso.

Mouffe Ch. (2003) “Vitgenshtein, politicheskaja teorija i demokratija” [Wittgenstein, Political Theory and Democracy] // *Logos*, no. 4—5 (39): 153—165. (In Russ.)

Mouffe Ch. (2004) “K agonisticheskoy modeli demokratii” [Toward an Agonistic Model of Democracy] // *Logos*, no. 2 (42): 180—197. (In Russ.)

Mouffe Ch. (2007) “Artistic Activism and Agonistic Spaces” // *Art & Research*, vol. 1, no. 2. URL: <http://www.artandresearch.org.uk/v1n2/mouffe.html> (accessed on 03.11.2022).

Mouffe Ch. (2008) “Politika i politicheskoe” [Politics and the Political] // *Politiko-filosofskij ezhegodnik* [Political and Philosophical Yearbook]. Moscow: IF RAN. Issue 1: 88—102. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/pppy_1/6.pdf (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Mouffe Ch. (2008) “Which World Order: Cosmopolitan or Multipolar?” // *Ethical Perspectives*, vol. 15, no. 4: 453—467.

Mouffe Ch. (2009) “Demokratija v mnogopoljarnom mire” [Democracy in a Multipolar World] // *Prognosis*, no. 2: 59—71. URL: http://intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Mouffe Ch. (2013) “Radikal'naja demokratija i agonisticheskaja politika” [Radical Democracy and Agonistic Politics] // *Gefter*, 20.11. URL: <http://gefter.ru/archive/10569> (accessed on 03.11.2022). (In Russ.)

Przeworski A. (1999) “Minimalist Conception of Democracy: A Defense” // Shapiro I. and C.Hacker-Cordon, eds. *Democracy's Value*. Cambridge, New York: Cambridge University Press: 23—55.

Shapiro I. (1999) *Democratic Justice*. New Haven: Yale University Press.

Shapiro I. (2003) *The State of Democratic Theory*. Princeton: Princeton University Press.

Shapiro I. (2016) *Politics against Domination*. Cambridge: Harvard University Press.

Tully J. (2008) *Public Philosophy in a New Key. Vol. I: Democracy and Civic Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin Sh. (2016) *Fugitive Democracy and Other Essays*. Princeton: Princeton University Press.

Young I.M. (1996) “Communication and the Other: Beyond Deliberative Democracy” // Benhabib S., ed. *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*. Princeton, New York: Princeton University Press: 120—135.